

*УДК 930:929 Дмитриев (047.53)***ДМИТРИЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ**

Народився в 1972 р. в м. Херсоні. В 1994 р. закінчив історичний факультет Санкт-Петербурзького держуніверситету. В 1996–1999 рр. прослухав програму післядипломної підготовки в Європейському університеті в Санкт-Петербурзі (факультет політичних наук та соціології). Магістр соціології (звання підтверджено факультетом соціальних наук Університету Хельсінки, 1997 р.). У 1998 р. захистив кандидатську дисертацію «Дьердь Лукач и леворадикальная идеология в Веймарской Германии». Науковий співробітник Санкт-Петербурзького філіалу Інституту історії природознавства та техніки ім. С.І. Вавілова Російської Академії наук. Редактор відділу теорії журналу «Новое литературное обозрение». З 2009 р. доцент кафедри історії ідей та методології історичної науки факультету історії Вищої школи економіки (м. Москва). Читає курси «Історія наук про людину ХІХ – ХХ ст.», «Проблеми історичного пізнання».

Провідний науковий співробітник Інституту гуманітарних історико-теоретичних досліджень імені А.В. Полетаєва.

Интервью¹

С.И. Посохов: Назовите наиболее острые проблемы гуманитаристики на постсоветском пространстве.

А.Н. Дмитриев: Таких проблем достаточно много. В данном случае я акцентирую внимание на тех, которые связаны с диалогом: и междисциплинарным, и межгосударственным (между научными сообществами разных стран, например, между украинскими, российскими, белорусскими историками). У гуманитариев есть и различные структуры для такого диалога. Это и официальные комиссии в Академиях наук и более молодые образования, вроде Международной ассоциации гуманитариев, и, главное, остаются личные контакты – организация конференций, взаимные приглашения, и даже общие проекты. Хотя этого еще недостаточно, отчасти по финансовым соображениям, отчасти тут сказывается и влияние политических факторов, которые в последнее время работают, увы, на разобщение созидательных усилий ученых – как вектому назад. Но то, что этот диалог между нашими национальными сообществами и историков, и социологов или филологов, не теряется, а вопреки всему даже крепнет – я считаю, принципиально важно.

Другое относится к проблематике дисциплинарных контактов. Когда занимаешься историей науки начала XX века, то видишь что один исследователь нередко соединял в своем облике несколько дисциплин – как археолог, фольклорист и историк литературы и философии В.П. Петров, о котором мы сегодня говорили, или М.М. Ковалевский – социолог и правовед, или А.С. Лаппо-Данилевский, который помимо занятий историей был и источниковедом *per se* и одним из «патронов» рождающейся российской социологии. История науки, мне кажется, очень важна, потому что она дает выходы на взаимосвязи даже между разными этажами наших университетских зданий, в особенности среди гуманитариев. Потому, на мой взгляд, наша «цеховая» историография может очень много почерпнуть из истории науки в широком смысле. Я и сам не могу похвастаться тем, что сразу увлекся сюжетами из прошлого исторической науки. Для меня самого этот

¹ Интервью было записано на кафедре историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина 16.04.2014 г. Транскрибирование записи осуществила О. Корниенко.

интерес «открылся» наверно уже после тридцати лет, написанной книги, - он не был «исконным». Чтобы закончить свою реплику: мы только-только у нас в Высшей школе экономики, в Институте гуманитарных историко-теоретических исследований, закончили большое коллективное исследование «Науки о человеке: история дисциплин». И тут я как соредактор вместе с Ириной Максимовной Савельевой «хлебнул» все-таки в хорошем смысле – читая статьи по истории филологии, по истории социологии, правоведческие штудии, начиная с XVII века и заканчивая XXI веком, понимаешь как сложно и потому интересно это все устроено. Этот диалог, в котором историк, филолог, социолог учатся понимать друг друга, чтобы у нас был какой-то общий язык. И историография, которая должна скорее открывать, чем замыкать нас в собственном прошлом, – одна из ближайших наших общих площадок для диалога с историей философии, историей филологии, и вот это диалогическое понимание, как мне кажется, надо сохранять и поддерживать.

С.П.: Рефлексия связана с целеполаганием. Ведь понятно – для того, чтобы какие-то цели определять, нужно и себя лучше понимать, правильно позиционировать, и ориентироваться в окружающем пространстве и, конечно, в тенденциях развития научного сообщества. Как Вы считаете, как меняется при этом роль метода? Ведь традиционно, и так пошло со времен позитивизма, и сами историки, и историки науки, главное внимание уделяют, по традиции, факту. Его величеству Факту... Что же касается методов, то здесь многое расплывчато... Реальных примеров реализации методов – так, чтобы можно было действительно *показать*, каким образом получен тот или иной интересный результат, все-таки не так много. Что Вы скажете по этому поводу?

А.Д.: Знаете, мне в таких случаях всегда проще начинать с каких-то даже не общих, «словарных» вещей... Проблема методов в данном случае, мне кажется, очень важная, но за этой абстракцией прежде всего стоят реалии работы историка или специалиста со своим материалом. Для меня метод – это правильная последовательность вопросов, которые ты задаешь к материалу. Это попытка проблемно ставить эти вопросы в зависимости от того источника или от той темы, с которой ты имеешь дело. Это одна сторона вопроса. С другой стороны, вопросы методологические встают для меня прежде всего в историческом преломлении – это например Макс Вебер с его работой

«Наука как призвание и как профессия». Я стараюсь со студентами, причем разных уровней, этот замечательный текст разбирать, и это проблема методического усилия, т.е. последовательного рассмотрение материала и погружения в контекст – побуждает идти вслед за Вебером и в то же время отступать от него, видеть и социальные и биографические моменты зарождения и понимающих методов, и социологического подхода, и практики школы «Анналов», например. Поэтому о методе говорить вообще абстрактно, несмотря на все мои философские и методологические интересы, мне сложно, я все же и тут стараюсь выступать как историк.

С.П.: Применительно к исторической науке в России можете ли Вы назвать ведущие научные школы и, в связи с этим, сказать насколько историческая наука в России, по Вашему мнению, идет в ногу с мировой?

А.Д.: Я буду говорить, опять-таки, от себя, не стараясь дать какую-то общую или объективную картину. И мой взгляд, разумеется, будет и субъективным и контекстуально окрашенным. Что касается древности, то там, я бы сказал, все хорошо. Из того, что мне наиболее интересно, - то, что делает И.Н. Данилевский, вообще вся линия Кобрин, Зимина и Историко-архивного института. Если говорить о восточно-славянских, русских и украинских древностях, то следует упомянуть труды Института российской истории, МГУ и наш довольно молодой факультет истории Высшей школы экономики (где И.Н. Данилевский как раз и работает). Я бы сказал, что вполне «на уровне» наша медиевистика. Все-таки усилиями Арона Яковлевича Гуревича, а сейчас Павла Юрьевича Уварова, Михаила Анатольевича Бойцова, она активно развивается в постоянном контакте и диалоге с наукой мировой. Впрочем, это наблюдалось даже в 1960-70-е гг., когда это было трудно делать и приходилось пробиваться через разнообразные политические и идеологические препоны (и имя харьковского выпускника Леонида Баткина здесь, конечно, должно быть обязательно упомянуто). Даже по студентам сейчас видно, что самые способные и старательные, глубокие студенты из последних потоков ориентированы скорее на медиевистику - по крайней мере, на нашем факультете истории Высшей школы экономики. Что касается XX века, мне кажется, что тут наше, может быть, наибольшее отставание очевидно - как раз в плане методологии, отчасти от недостатка диалога с другими социальными науками,

в первую очередь, с современной социологией. Кстати, у Ирины Максимовны Савельевой есть несколько интересных работ по вопросам современной исторической теории, и она заметила, что социологи сейчас, в XXI веке, касательно проблематики XIX века, социальной истории XX века, работая с историческими материалами и ставя исторические вопросы, идут иногда гораздо дальше историков, и работы их получаются интереснее. И современная историческая социология нам, как историкам, интересующимся общетеоретическими вопросами, очень нужна. Если я скажу, «модернизация» или «теория Модерна», то мы, историки, наверняка слышали эти слова, но они воспринимаются как терминология *чужая* (я имею в виду наше российское, да, я думаю, что и украинское историческое сообщество). Вот здесь, с понятийным словарем современной социологии – американской, немецкой, французской и т.д. – здесь еще есть проблема. То есть, если мы посмотрим англоязычную периодику, например, «American Historical Review», «Journal of Modern History», которые задают так или иначе планку, или наш «Ab Imperio», то тут дистанция между западными историками и нашими очевидна. В том смысле, что «там», все-таки, гораздо больший уровень методологической оснащенности, развито умение задавать концептуальные вопросы к своему материалу. Как раз интеллектуальная история, которой мы с Вами больше занимаемся, благодаря усилиям Лорины Петровны Репиной и ее единомышленников, идет впереди – в том смысле, что в этой сфере контакты лучше. Касательно политической истории и социальной, то тут нашим историкам, как мне кажется, не хватает знаний хорошей современной социологии или политической теории, ориентированной на исторические сюжеты и исторические проблемы.

С.П.: К вопросу о состоянии российского научного сообщества... Я вспомнил одно интервью, когда вопросы задавали Марине Федоровне Румянцевой. Ее спросили: «Есть ли профессиональное сообщество историков в современной России?». Она тогда отрицательно ответила на этот вопрос. А что если тот же вопрос я задам Вам?

А.Д.: Я бы сказал, что есть ряд институций, которые находятся в каком-то взаимодействии и диалоге, есть люди, которые друг друга слушают, обмениваются идеями, ходят на семинары, но, то чего

нет в российском историческом сообществе, и то, что мы видим на Западе, - это работа дисциплинарных ассоциаций. В отличие от тех же социологов, у нас не сложилась, на самом деле, работа исторических ассоциаций. Есть похожие национальные комитеты историков, но это скорее локальные филиалы больших интернациональных организаций, которые выполняют представительскую, ритуальную функцию. А стоит попасть, например, на конференцию американских славистов, то видишь людей, занимающихся соответствующей проблематикой с разных сторон - с исторической, филологической, социологической. Такие организации и съезды могут объединять даже несколько тысяч людей. В их работе участвуют не только американцы, на этих ежегодных съездах можно увидеть очень много людей из России и Украины. Вот в этом случае видишь, как подобное сообщество реально живет и действует. Люди приходят на заранее объявленные панели, где рядом могут выступать и академик, и вчерашний аспирант, которые отобраны оргкомитетом или объединены какой-то общей проблематикой, или общей целью - и, если ты берешь материалы этих ассоциаций за 10-20 лет, ты видишь динамику, куда смещаются большинство тем панелей, которые предлагаются «снизу», к чему сейчас больше интереса. Это такой своеобразный смотр достижений, с вручением премий и за лучшую книгу, и за первую дебютную статью, когда мы друг друга видим и понимаем, на чьи доклады стоит ходить в первую очередь, где устанавливается такая неформальная научная табель о рангах. И за этой хаотичной жизнью прослеживаются общие закономерности, динамика развития науки. Вот этого нам пока не хватает.

Журналы тоже отчасти играют такую роль коммуникационных площадок – например «Российская история», может быть, «Новое литературное обозрение», где тоже могут и историков печатать. Еще одна важная роль указанных ассоциаций для сообщества – поддержание профессиональных критериев и границ, соблюдение этического кодекса, который там функционирует куда более эффективно. Я бы сказал, что украинские коллеги несколько опередили нас, когда уже в середине 2000-х годов подняли проблему плагиата внутри украинского научного сообщества, о составе и характере отбора так называемых ВАКовских журналов. Я думал, когда впервые стал читать об этом на страницах киевской «Критики», например, что, наверное, это важно, нужно, но как-то серьезно к

этим вопросам не отнесся – но вот не прошло и десяти лет, и эта проблема назрела, обострилась и у нас в стране.

С.П.: Вы видели различные университеты: европейские, американские, российские, украинские. Какие Вы можете назвать проблемные моменты для высшего исторического образования? Наверное, опять-таки, прежде всего, в российском варианте, потому что Вам это ближе и понятнее – а мы заодно подумаем и о наших недостатках.

А.Н.: Тут дело даже не в недостатках. Если вспомнить свои собственные студенческие годы – памятьнее и поучительнее всего в Петербургском университете была система спецсеминаров и спецкурсов того или иного преподавателя или профессора. Раз в неделю она или он собирали вокруг себя ребят, причем разных - и аспирантов, и студентов разных курсов вокруг своей проблематики (Латинская Америка, Европа XIX века), и это была действительно уже подлинно научная школа (помимо лекций, общих поточных семинаров). Это были авторские курсы, которые читались коллегами-преподавателями, это могли быть профессор, или доцент со стороны, темы могли меняться. Там был настоящий обмен идеями опытом, информацией, – то, что как раз по аналогии с ремесленничеством называется «становлением руки», когда твоей рукой буквально водит мастер, и ты постепенно из ученика становишься подмастерьем, потом уже и сам подрастаешь до мастера. Вот такая продуктивная среда, мне кажется, часто формируется в малых индивидуальных группах, сконцентрированных вокруг или темы, или чаще всего, конечно, человека, который той или иной темой занимается. Это я уже много позже стал читать и у Людвиг Флека и у Майкла Полани – про стили науки, про важность «неявного знания», которые не сводятся к трансляции содержания одних книг в другие. В науке очень важны вот эти самые неформальные практики исследования и ученичества одновременно – то что было в Историко-архивном институте, а у нас сейчас пытаются делать в Высшей школе экономики: создавать небольшие центры университетской культуры как у Елены Вишленковой, или медиевистические лаборатории как у Михаила Бойцова и Олега Воскобойникова. Важно то, что такие научно-учебные группы, по сути, воплощают гумбольдтовский идеал соединения науки с преподаванием. Важно, чтобы студенты могли, во-первых, выбрать себе курсы – помимо общих и обязательных

занятий. Во-вторых, вокруг таких добровольных выборов складываются важные ниточки и линии преемственности, которые, как мне кажется, и двигают реально науку. Вот в таких небольших рабочих группах, построенных вокруг ключевых исторических проблем или направлений, где старшие двигают свои темы вместе с младшими, и живет реальная наука.

С.П.: Ну и, завершая интервью, может выскажете какое-то пожелание украинским историкам?

А.Д.: Пожелание для нас общее – больше читать и лучше знать друг друга и общаться! Чтобы мы могли приезжать к вам, и наоборот. И я думаю, эти связи ни в коем случае не прервутся, несмотря ни на какие пертурбации, внешние или внутренние. Главное, чтобы мы слышали и хотели слушать друг друга. А вот с этим, к счастью – и Вы, наверное, согласитесь, – у нас проблем нет.

С.П.: Спасибо за интересный разговор!

